

Н. Русова, В. Шевцов

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

В чем волшебство этого стихотворения — пронзительного прощания с любовью и молодостью? В сущности, перед нами один из вечных сюжетов лирической поэзии: «он» (поэт) любит «ее» до самозабвения, но она уходит — и он смиряется, как будто забывает, крутясь в «проклятом рое» жизни, — и всё же вспоминает, зовет, но зовет напрасно. «Всё миновалось», и остается только убрать со стола заветный портрет.

Прочная и легкая кольцевая композиция раздумчивого и нежного монолога, обращенного к «ней», обеспечивается частичными повторами словесных конструкций в первой и последней строфах. Спокойная и печальная интонация первых двух строф сменяется взволнованными «летающими» многоточиями, за которыми так многое скрывается. Единственное на всё стихотворение восклицание в последней строфе:

Все миновалось, молодость прошла!

— это и попытка подвести окончательный итог, и рыдание о несостоявшемся счастье, рыдание, которое становится еще выразительнее на фоне заключительных торжественных и печальных строк.

Особая привлекательность лирического героя создается тем обстоятельством, что присутствие любимой женщины заставляет его забывать не о горестях и бедах, а о подвигах и славе (кстати, множественное число слова «доблесть» придает ему оттенок значения ратных заслуг, что очень существенно) — и это говорит нам о том, чем полна его душа. Прелесть женского образа — в отсутствии торжествующей победительности; сквозь всю ее непреклонность («не оглянулась», «не снизошла») просвечивает грусть и нежность («ты в синий плащ ПЕЧАЛЬНО завернулась»), и даже после слов о ее «гордыне» следует торопливо и робко проговариваемое признание:

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, МИЛАЯ, ты, НЕЖНАЯ, нашла...

Общий лексический фон стихотворения составляют слова с расплывчатым, неконкретным, «символическим» значением, что позволяет читателю полностью отдаться завораживающей музыке стиха. На этом фоне бросаются в глаза и приобретают особое значение три конкретные детали, повторенные — каждая — дважды: «простая оправа», «синий плащ» и «сырая ночь». Недаром этот синий плащ, по словам Цветаевой, был до тоски любим всей Россией. Интересно, кстати, что в языке искусства позднего средневековья синий цвет обозначал измену, и Блок, с его рафинированной культурой, не мог об этом не знать. Может быть, отсюда его пристрастие к «синему» в стихах? «Синий, синий, синий взор...»

Волшебная музыкальность обычного пятистопного ямба создается, в частности, тем, что несколько строк первой и последней строфы начинаются с пиррихия, и это обеспечивает «летающую» навстречу читателю звуковую волну. Большую роль играет также так любимый Блоком звук «л», который буквально пропитывает всё стихотворение, а также отсутствие жестких скоплений согласных (большинство слогов — открытые). Повторяющееся «р» сопутствует изображению страданий героя:

Летели дни, кРутясь пРоклятым Роем...
Вино и стРась теРзали жизнь мою...

А в общем, перед нами одно из тех редких произведений, чья загадка никогда не будет разгадана до конца — и в этом залог его вечного обаяния.